

Чертов Л.Ф.
ГОРОД В СЕМИОСФЕРЕ КУЛЬТУРЫ:
СЕМИОТИЗИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[©]

*Международная ассоциация семиотики пространства и времени,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: leonid.tchertov@googlemail.com*

Аннотация. Город вообще, а Санкт-Петербург в особенности, может служить образом всей семиосферы, описанной Ю.М. Лотманом. В нем также возникает множество вербальных и невербальных текстов, связанных со своими смыслами, благодаря разнородным семиотическим системам. «Петербургский текст русской литературы» сложился в контексте гетерогенного городского пространства, семиотизированного с помощью ряда невербальных кодов, благодаря которым значениями наделяются видимые формы и их места, материалы, размеры и т.п.

Ключевые слова: семиотизированное пространство города; пространственные коды и тексты; значимые формы и места.

Поступила: 01.10.2021

Принята к печати: 21.10.2021

Tchertov L.F.

**City in the semiosphere of culture:
the semiotized space of St. Petersburg[©]**

*International Association for semiotics of space and time,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: leonid.tchertov@googlemail.com*

Abstract. The city in general and St. Petersburg in particular can exemplify the entire semiosphere described by Yu.M. Lotman. Both of them generate many verbal and non-verbal texts, which are connected with their senses by the various semiotic systems. “The St. Petersburg text of Russian literature” was shaped within the context of the heterogeneous city space that is semiotized by non-verbal codes tying meanings with visible forms, places, materials, sizes, etc.

Keywords: semiotized space of the city; spatial codes and texts; meaningful forms and places.

Received: 01.10.2021

Accepted: 21.10.2021

**Лотмановская идея семиосферы и семиотизированное
пространство города**

Ю.М. Лотман определяет *семиосферу* как «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» [Лотман 1984, с. 5–6]. Эти образования – различные языки и тексты – рассматриваются как своего рода «семиотическое пространство», неоднородное и асимметричное. Центральное положение в нем занимают вербальные языки, а периферийное – производные от них семиотические системы, которые выполняют частные функции культуры.

Различение центральных и периферийных семиотических систем, очевидно, производится не в физическом, а в условном пространстве, в котором могут мыслиться вообще любые пространственно-подобные отношения – как это позволяет делать обобщенное математическое определение пространства, приводимое ученым [Лотман, 1986, с. 4]. Благодаря такому подобию складывается особый «язык моделирования, с помощью которого могут

выражаться любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений» [Лотман, 1986, с. 4]. Согласно Ю.М. Лотману, «язык пространства» (точнее, «иерархия пространственных языков») сопоставим с вербальным по своей универсальности и также относится к первичным языкам культуры; но он организован иным образом и потому становится предметом специальной *семиотики пространства* [см.: Лотман, 1969, с. 463; Лотман, 1986, с. 6; Лотман, 1992, т. 1, с. 142].

В качестве наглядного образа семиосферы, взятой в синхронном срезе, Ю.М. Лотман приводит пример с залом музея, «где в разных витринах выставлены экспонаты разных эпох, надписи на известных и неизвестных языках, инструкции по дешифровке, составленные методистами пояснительные тексты к выставке, схемы маршрутов экскурсий и правила поведения посетителей» [Лотман, 1996, с. 168]. В отличие от отношений между знаковыми системами в условном пространстве семиосферы, зал музея существует в физическом пространстве, где протяженные тела уже в самом прямом смысле связаны пространственными отношениями («выше-ниже», «левее-правее» и т.п.).

В той мере, в которой эти объекты наделяются значением и указывают на что-то, отличающееся от них самих, они подвергаются *семиотизации*, как она определяется в кн.: [Лотман, 1996, с. 178]. Если сказать теперь, что музейный зал – это *семиотизированное пространство*, то это выражение будет уже не метафорой, а термином, обозначающим конфигурации собственно пространственных отношений между сосуществующими предметами, если эти отношения выстраиваются и связываются со значениями по правилам одной или нескольких семиотических систем.

Понятие «семиотизированное пространство», очевидно, может быть применено и к целому *городу*. Ведь и его наполняют разнообразные сосуществующие объекты, пространственные отношения между которыми наделяются множеством значений и смыслов. Не случайно, характеризуя город Санкт-Петербург, Ю.М. Лотман описывает его семиотическую организацию в таких же выражениях, что и семиосферу в целом: «Город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, ... представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 1996, с. 282]. Еще

больше, чем музейный зал, город схож с целой семиосферой и в том, что он существует не только в пространстве, но и во времени. Как и ко всей семиосфере, к городу применим тезис о том, что на любом синхронном срезе его истории «сталкиваются разные языки, разные этапы их развития, некоторые тексты оказываются погруженными в несоответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вовсе отсутствовать» [Лотман, 1996, с. 170, ср. с. 293–295].

Такое диахронное существование, когда одни и те же носители значений осмысляются различным образом в разные времена, характерно для *пространственных текстов* города. Эти тексты образуются и архитектурными сооружениями, сохраняющимися веками, и более часто сменяющимися друг друга объектами городской среды (ср. общесемиотическое понятие текста, которое применяется не только к словесным построениям, но и к любым носителям целостного значения, имеющим культурную ценность: [Тезисы к семиотическому ... , 1998, с. 13]).

Нет сомнения в том, что осмысление пространства города невозможно без словесного языка, который, по Ю.М. Лотману, находится в центре семиосферы и к тому же всегда остается в центре профессиональных интересов филолога. В этой языковой системе складывается и то, что В.Н. Топоров назвал «петербургским текстом русской литературы» (см. Топоров, 2003], ср. также: [Анциферов, 1922]).

Однако словесные описания города создаются под впечатлениями от непосредственного погружения в его пространство. Можно много слышать или читать о городе, хорошо знать «петербургский текст» произведений Пушкина, Гоголя или Достоевского. Но это знание не может заменить зрительного образа города и чтения тех первичных текстов, которые в самом буквальном смысле выстраиваются в его архитектурной среде [ср. Schenk, 2007, S. 47–48]. Вместо линейного ряда читаемых слов пространственные тексты улиц и площадей разворачиваются сразу в трех измерениях. Прогулки по этим улицам или набережным дают те чувственные впечатления, которых остается лишенным уткнувшийся в книгу читатель.

Построение и чтение этого зримого пространственного текста регулируются своими кодами. Лишь часть из них производна от вербального языка и принадлежит к вторичным семиотическим

системам. Не менее важна и та их часть, которая имеет невербальные корни и позволяет передавать иные, «инфралогические» смыслы – на уровне аффективно окрашенных схем восприятия и поведения [ср.: Пиаже, Инельдер, 1963, с. 31, 61–62]. В отличие от логических понятий и представлений, вызванных словами, эти инфралогические значения складываются на других психических уровнях и связываются не со звуками слов, а с визуальными образами пространственных форм, пропорций, расположения и всего того, что может вызывать зрительные впечатления.

О средствах семиотизации городского пространства

Значения и смыслы, связанные с пространством города, рассматриваются целым рядом гуманитарных наук. В этот ряд входят история города и его культурная география, филология и искусствоведение, история архитектуры и урбанистика. Обсуждение и извлечение смыслов из всего, что может быть понято как текст, – предмет герменевтики. Выяснение того, по каким правилам эти смыслы связаны с их носителями, – задача семиотики. В отличие от герменевтики, она выясняет не сами смыслы, а те средства, которые позволяют их связывать с определенным типом носителей.

При этом в рамках семиотики можно различать *семиографический уровень* исследований, нацеленных на описание самих этих средств, и *семиологический уровень*, на котором разрабатывается аппарат понятий, пригодных для такого описания. Семиология в таком случае понимается не как синоним семиотики, исторически сложившийся в одной из ее версий, а как ее теоретическая часть. В этих терминах семиотический метод исследования представляет собой семиографический анализ средств, выражающих разнообразные смыслы, с помощью понятий, введенных на семиологическом уровне. Такой анализ в то же время позволяет проверять пригодность этих общих понятий на конкретных примерах.

В семиографических исследованиях городского пространства инструментами анализа становятся не только такие общесемиотические понятия, как *знак*, *значение*, *код*, *текст* и т.п., но и специальные категории пространственной семиотики, связанные со спецификой ее объектов и характеризующие их типы. Этими специфическими для нее объектами оказываются *значимые места* и

границы между ними, *тела*, которые их занимают, их *значимые формы, материалы и размеры*, а также то *семиотизированное пространство*, которое образуется в результате соединения этих особых носителей значений и в котором выстраиваются свои *пространственные тексты*.

Средства семиотизации пространства представляют собой ряд специальных кодов. В него входят *демаркационный код*, регламентирующий организацию границ между значимыми местами, и *архитектонический код*, который задает нормы связей между видимыми пространственными формами и кинестетическими переживаниями действующих вокруг них механических сил. Иной выбор значимых пространственных форм и их осмысление регулируются *предметно-функциональным кодом*, который соотносит эти формы с определенными практическими функциями. Если же пространственные объекты интерпретируются как символы социального статуса связанных с ними людей, то их осмысление подчиняется уже нормам *социально-символического кода*.

Последний может рассматриваться как вторичная моделирующая система по отношению не только к вербальному языку, но и к другому первичному – предметно-функциональному коду, без которого прямое назначение сооружений оставалось бы не распознано. В отличие от этих семиосистем, архитектурный код активизирует еще природные реакции на признаки силовых соотношений между видимыми формами, хотя в культуре такие индексы трансформируются и могут подчиняться строгим правилам – например, в системах архитектурных ордеров. Демаркационный код, с помощью которого выстраиваются конфигурации границ и путей между ними, с одной стороны, оперирует сигнально-индексальными средствами, доступными и животным, а с другой – часто нуждается в словесном осмыслении различий между разграниченными местами.

Каждый из этих кодов организует семиотическую форму выражения своих собственных пространственных *S-текстов*. В отличие от вербальных *L-текстов*, они развернуты обычно сразу более чем в одном измерении. Зависимость от разных кодов не мешает этим пространственным текстам сосуществовать на одном и том же телесном субстрате. В своем совместном действии они создают семиотически гетерогенную пространственную среду города.

(См. подробнее о пространственных кодах и текстах: [Чертов, 2014, с. 79–102, 252–262; Чертов, 2017, с. 158–160, 192–201]; о семиотизированных пространствах: [Чертов, 2020; Чертов, 2021].)

Значимые формы в пространственных кодах города

Что для «петербургского текста литературы» (L-текста, в указанных терминах) остается субстратными особенностями его плана содержания и не принадлежит вербальной форме выражения [ср.: Топоров, 2003, с. 29–30; Ельмслев, 2006, § 13], то в визуально-пространственных S-текстах может включаться в семиотическую форму *их* плана выражения. Здания и монументы, улицы и площади, из которых складывается пространство города, становятся носителями разнообразных значений в той мере, в которой их видимые формы и места образуют пространственные тексты, построенные и интерпретируемые с помощью ряда невербальных кодов.

Пространственные *формы* города Санкт-Петербурга представлены главным образом его архитектурой, которая вроде бы хорошо известна. Но в семиотическом анализе она предстает по-иному – как ряд пространственных S-текстов, созданных средствами, прежде всего, *архитектонического кода* (АК).

В этом коде могут быть выделены элементарные единицы – *морфемы*, каждая из которых имеет определенные инфралогические значения – кинестетически переживаемые образы механических сил: давления, тяжести, упругости и др. Эти значения были описаны еще в «Эстетической механике» Т. Липпса [Lipps, 1903], которую точнее было бы назвать морфологией единиц АК.

Из элементарных морфем АК складываются более сложные *морфологические конструкции*. Они уже в Античности были кодифицированы в ордерных системах классической архитектуры (дорической, ионической, коринфской). С семиотической точки зрения эти системы представляют собой разные версии АК, в которых фиксируются его морфемы и морфологические конструкции, связанные определенными пропорциями. Такими конструкциями АК служат, например, в системе коринфского ордера колонна, включая базу, ствол и капитель, или антаблемент, составленный из архитрава, карниза и фриза.

Из этих же заданных в АК «синтагм» архитектор более или менее свободно выстраивает (и в проекте, и в реальном сооружении) их разнообразные сочетания, которые в той же системе АК можно рассматривать как *синтаксические конструкции* и составленные из них пространственные *S-тексты*. С этой точки зрения определенное число колонн, поддерживающих антаблемент с фронтоном, представляет собой синтаксическую конструкцию в тексте АК, сообщаящем зрению информацию о соотношении несущих и несомых частей, а также пробуждающем комплекс кинестетических образов и связанных с ними эмоций.

Рис. 1. Ф. Шевалье. Александринская площадь. Литография. 1830-е гг.
Показаны части большого градостроительного ансамбля, спроектированного К. Росси: павильоны сада Аничкова дворца (1817–1818), здания Дирекции императорских театров и Министерства народного просвещения (1829–1839), Александринский театр (1828–1832).

При всей кодифицированности классических ордерных систем, они позволяют строить достаточно разнообразные тексты АК. Это разнообразие демонстрирует, например, К. Росси в постройках разных архитектурных жанров. К ним относятся, в частности,

Елагин и Михайловский дворцы, Александринский театр, административные здания Главного штаба, Сената, Синода, легкие садовые павильоны и др. (см. рис. 1, 6 б, 8 а, б). Градостроительные ансамбли архитектора складываются в сложнейшие пространственные тексты АК, которые соответствуют классическому принципу единства в разнообразии.

Уникальная стилистическая однородность Санкт-Петербурга, связанная с относительно коротким периодом его формирования, семиотически объясняется единством архитектурного языка (вариантов АК), который регулировал создание основных его сооружений. В течение почти векового периода – от екатерининского классицизма до николаевского ампира – этот язык составляют диалекты «архитектурной латыни» [ср. Бенуа, 1968]. Но эти же элементы классической ордерной системы присутствовали и прежде, например, в барочных конструкциях у Ф.Б. Растрелли (см. рис. 2), и позднее, в периоды эклектики, неоклассицизма или «советского ампира» – вплоть до своих отголосков в новейших постмодернистских постройках.

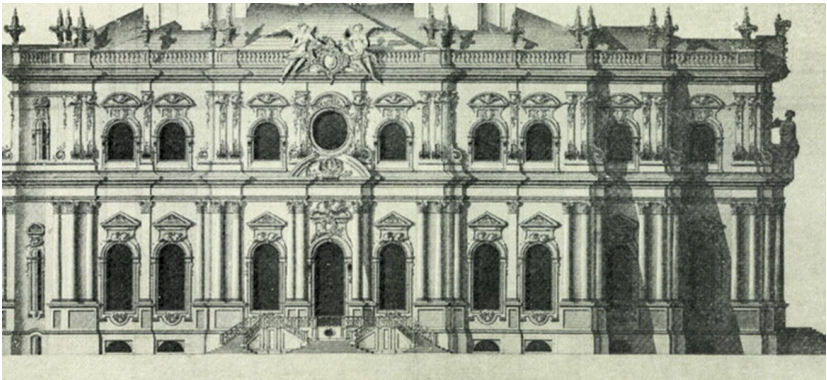

Рис. 2. Ф.Б. Растрелли. Боковой фасад проекта Смольного собора (фрагмент). 1748–1751.

Те же архитектурные сооружения иначе членятся и образуют свои S-тексты в системе другого, *предметно-функционального*, кода (ПФК). Его пространственные формы связываются уже не с образованием устойчивых конструкций, как в АК, а с теми практи-

ческими функциями, для которых они строятся. «Стены», «крыши», «окна», «двери», «лестницы», «фонари» и т.п. – все это названия видимых форм ПФК, выражающих разные функции.

Они тоже могут, с одной стороны, расчленяться на элементарные морфемы, а с другой – складываться в морфологические (стандартные) и синтаксические (более свободные) конструкции. Например, «жилой дом», «корабль» или «каре́та» – это названия разнотипных морфологических конструкций из ПФК с однородными морфемами («двери», «окна», «мачты» и т.п.), но составленных по-разному и выражающих разные функции.

Морфологические конструкции в ПФК не связаны столь жесткими метрическими соотношениями, как в АК. Для них важнее топологические связи, отличающие, например, открытые пространства от замкнутых. Так, конструкция Пантеона в Риме с отверстием в куполе, открытым и для света, и для дождя, имеет топологические свойства, функционально малопригодные для северной столицы. С учетом этого О. Монферран, проектируя по римскому образцу зал «Ротонда» для Зимнего дворца, замкнул его верхнюю часть застекленным куполом.

Практические функции, выраженные средствами ПФК, хорошо читаются в видимых формах таких сооружений, как, например, набережные со спусками к воде, разводные мосты, пристани, пожарные каланчи, телевышки и т.п. Назначение зданий также более или менее выражено в их формах в зависимости от стилистических особенностей архитектуры.

Оно достаточно ясно в петровский период, например, в формах Летнего дворца Петра I, построенного по проекту Д. Трезини в 1710–1714 гг. (см. рис. 11). В нем был, помимо стандартных стен, окон, крыши с флюгером, еще и спуск к «гаванцу», позволявший прямо из дома переходить на борт судна. Такой прямой выход к воде – характерный элемент ПФК того времени, когда Петр хотел видеть в новом городе подобие Венеции или Амстердама, где водные артерии стали неотъемлемой частью повседневной жизни.

Эта функциональная ясность сооружений заслоняется средствами социально-символического кода (пышный декор, позолота и др.) в период елизаветинского барокко, наиболее ярким представителем которого был Ф.Б. Растрелли. Отстранившая его позднее от дел Екатерина II упрекала такую архитектуру за неясность

функций в храмовых сооружениях, «когда слишком большой свет и величина окон не отличают их ни в чем от бального зала или [зимнего] сада» [Екатерина II, 1907, с. 53].

Однако и в более поздней архитектуре города выражение повседневных функций сооружений средствами ПФК нередко уступает место отвлеченной символике. Так Ж.-Ф. Тома де Томон придал зданию Биржи на стрелке Васильевского острова (1805–1816) формы не делового учреждения, а храма морского бога с фигурой Посейдона на аттике (см. рис. 3 а и рис. 9). Как и скульптуры у ростральных колонн, это здание, по его замыслу, должно было символизировать союз божеств моря и коммерции (ср. сходную аллегория на картине, приобретенной Екатериной II для Эрмитажа, – рис. 3 б).

Рис. 3 а. Ф.Я. Алексеев. Вид на Биржу и Адмиралтейство от Петропавловской крепости. 1810. Холст, масло. ГТГ.

Рис. 3 б. П.П. Рубенс. Союз Земли и Воды. Холст, масло. 1617. ГЭ.

Значимые места и другие категории социально-символического кода

Благодаря подобной символике формы сооружения означают нечто большее, чем его конструкция и практические функции. Даже имея сходные значения в системе ПФК, они могут выражать разный социальный статус с помощью элементов и структур *социально-символического кода* (ССК). Именно его средства позволяют различать трон и кресло, дворец и хижину и т.п. Так, например, Летний дворец Петра I отличался от других воплощений того же

типового проекта Трезини скульптурным декором, указывающим на социальную специфику этой постройки. Такими средствами служат не только особые *формы*, но и их *места*, *размеры* или *материалы*.

Значимые места – свободные или заполненные части семиотизированного пространства, наделенные значением в некоторой семиотической системе. Этими местами могут быть площади города и перекрестки улиц, пышные дворцы и скромные дома, отдельные сооружения или целые районы. К ним можно применять категории «узел», «ориентир» и «район», рассматриваемые в урбанистике [см.: Линч, 1982].

Для ССК характерно образование более или менее сложных *пространственных синтагм* – морфологических и синтаксических конструкций из разнородных значимых элементов, прежде всего, *форм* и *мест*. Их соединение может быть организацией значимых мест с помощью форм или придания формам дополнительных значений за счет их помещения на определенные места. Будем условно различать, соответственно, «*оформление мест*» и «*помещение форм*».

а

б

Рис. 4 а. Памятник Петру I перед южным фасадом Михайловского замка.

Скульптор К.Б. Растрелли (с 1716 г.), архитектор В. Бренна (1800).

Рис. 4 б. Петровские ворота Петропавловской крепости с барельефом «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром». Архитектор Д. Трезини, скульптор К. Оснер. 1716–1717.

В случае синтагм первого типа некоторому участку пространства придается значение за счет появления на нем определенных форм. Так, флаг, установленный в чистом поле, отмечает место сбора для воинов. Такими ориентирами в городе могут служить различные вертикали: башни, вышки, высотные дома.

В Санкт-Петербурге с самого начала, в 1703 г., появилась центральная вертикаль Петропавловского собора в новой крепости, вокруг которой выстраивался целый город. По проекту Д. Трезини (1712–1733) этот собор был построен в камне и дополнен золотым шпилем с ангелом наверху, благословляющим новую столицу. Вознесшаяся над городом вертикаль была противопоставлена всей горизонтальной окрестности прежних болот и рек, став символом победы и над природным хаосом, и над всеми враждебными силами.

Другой такой ориентир – Адмиралтейство, от башни которого были проложены три луча центральных улиц, включая «Невскую перспективу». Его золоченый шпиль с корабликом стал символом Санкт-Петербурга как морского центра, «Нового Амстердама», о котором мечтал Петр (см. рис. 5 а, б).

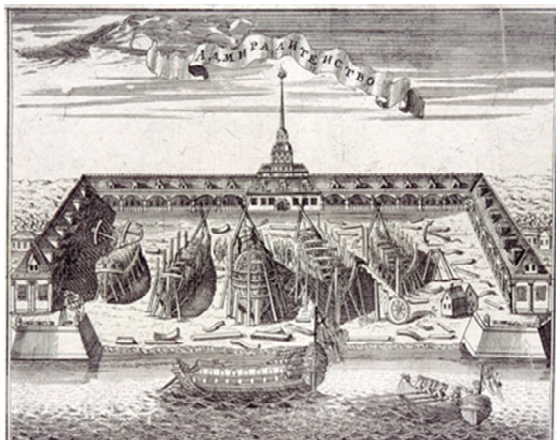

Рис. 5 а. А.Ф. Zubov. Вид на Петропавловскую крепость (фрагмент). 1727. Гравюра. ГРМ.

Рис. 5 б. А. Zubov. Адмиралтейская верфь. Гравюра. 1716. ГЭ.

Еще одна значимая вертикаль в центре города – Александровская колонна перед царской резиденцией на Дворцовой площади, оформленной К. Росси и О. Монферраном (см. рис. 12). Вместе со всем своим окружением она стала символизировать идею Санкт-Петербурга как Нового Рима – имперской столицы и центра верховной власти (см. о столкновении этой идеи с идеей города как Нового Амстердама: [Лотман, 1996, с. 293–294]).

Вокруг этого символа сконцентрированы другие носители государственной и военной символики: Главный штаб с триумфальной аркой и колесницей над ней, Адмиралтейство со скульптурным декором, изображающим морские победы и др. Проясняя значение мест, на которых он находится, такой декор также включается в пространственные синтагмы первого типа (рис. 6 а, б).

Рис. 6 а. А.Д. Захаров. Триумфальная арка Адмиралтейства с рельефами на тему морской славы (И.И. Терещенев) и скульптурами морских нимф с небесной сферой (Ф.Ф. Щедрин). 1812–1823.

Рис. 6 б. К. Росси. Триумфальная арка Главного штаба с колесницей победы и атрибутами воинской славы. Скульпторы С.С. Пименов и В.И. Демут-Малиновский. 1827–1828.

В отличие от «оформления мест», «*помещение форм*» придает новое значение готовым формам в зависимости от мест, на которых они устанавливаются. Один пространственный текст здесь вписывается в контекст других сооружений и приобретает дополнительные смыслы. Так, начатый Б. Растрелли еще при жизни Петра I памятник царю был наделен новым значением, когда Павел I велел поставить его с надписью «Прадеду правнук 1800» перед своим замком (рис. 4 а). Но и более известный памятник основателю города, модель которого Э.М. Фальконе закончил в

1770 г., приобрел полную выразительную силу, когда его бронзовая отливка (1778) была торжественно установлена в 1782 г. на просторном берегу Невы, где все его окружение проясняет значение изображенной персоны.

Иногда «места» и «формы», соединяясь в пространственный текст, взаимно придают друг другу новые смыслы. Так, установка в 1801 г. на прежнем Царицыном лугу памятника А.В. Суворову, как и обелиска «Румянцева победам», с одной стороны, оформляла пустырь и придавала ему значение Марсова поля – места военных парадов и смотров (как в Риме и Париже). С другой стороны, помещение там этого памятника создавало синтаксическую конструкцию в системе ССК, эквивалентную высказыванию: «Суворов – выдающийся полководец». Здесь скульптурное изображение военачальника служит пространственным аналогом его имени (знаком-номинатором), а место выполняет роль знака-предикатора (рис. 7 а, б).

Рис. 7 а. Г.Г. Чернецов. Парад на Царицыном лугу в Петербурге по случаю окончания военных действий в Царстве Польском. 1837. Холст, масло. ГРМ.

Рис. 7 б. М.И. Козловский. Памятник А.В. Суворову перед Марсовым полем. 1801.

Та же логическая формула «Х есть выдающийся деятель» подразумевается в осмыслении всякого памятника – как помещаемого в городское пространство, так и удаляемого из него. Таким образом, соединение значимых форм и мест может не просто созда-

вать синтагмы ССК, но, в отличие от АК и ПФК, строить из них синтаксические конструкции с субъектно-предикатной структурой.

Подобные аналоги словесных выражений выстраиваются и в самих скульптурных композициях. Так, рельеф на Петровских воротах «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром» означает победу носителя этого имени над своими противниками (рис. 4 б). Как подобия словесным фразам, могут читаться и «Медный всадник», попирающий змею, олицетворяющую «враждебные силы», и петергофский «Самсон», который разрывает пасть льву как символу побежденной Швеции. Создатель последней скульптуры М.И. Козловский был автором и памятника А.В. Суворову, представив «графа Итальянского» как защитника трех областей Италии и включив их эмблемы в свою композицию. Поскольку полководец изображен в виде бога Марса, скульптура может читаться и как аналог высказывания: «Суворов – бог войны» (рис. 7 б).

Помимо форм и мест, значениями в системе ССК могут делиться и *материалы*. По Ю.М. Лотману, антитеза *воды* и *камня* в петербургском мифе выражает оппозицию природы и культуры, противостояние естественной стихии и искусственного замысла [Лотман, 1992, т. 2, с. 11–12]. В строящемся Петербурге также важно было противопоставление *камня* и *деревя* как зримое выражение отличия новой европейской столицы от старых деревянных городов России.

Своя символика есть и в прямом преобразовании природной «хляби» в искусственную «твердь», которым стало налаженное Петром производство из местной глины обожженного *кирпича*. Постройки из него обычно штукатурились и красились характерными для города разбеленными цветами, что сближало «дворцы» и «хижины».

Это давало основание для противопоставления *кирпича* и *мрамора* как материалов с неодинаковой ценностью. Так, про Исаакиевский собор, который начали строить при Екатерине II из мрамора, а продолжили при Павле I из кирпича, ходило двустишие: «Сей храм – двум царствам столь приличный, / Основа – мрамор, верх – кирпичный» (цит. по: [Тынянов, 1987, с. 223]).

Когда собор был достроен при Николае I, архитектор О. Монферран использовал для его колонн тот же *гранит*, что и для спроектированной им Александровской колонны, которая

отличалась этим материалом от своих предшественниц из мрамора или металла. Твердость гранита выражала идею прочности и устойчивости, значимую и для одетых этим камнем стен крепости, и для набережных Невы, и вообще для всей придуманной Петром столицы.

Контрастом массивному граниту выступает «оград узор чугунный» – ажурная графика решеток, опоясывающих сады, мосты и набережные рек – начиная со знаменитой ограды Летнего сада и вплоть до дальних уголков Фонтанки или Мойки. Отражаясь в их воде, металл и гранит создают характерное сочетание материалов, которое отличает «северную Венецию» от «южной» и многих других городов (рис. 8 а, б).

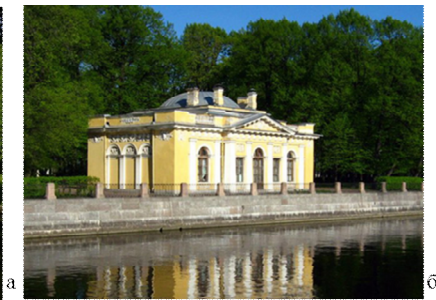

Рис. 8 а, б. Павильоны К. Росси:
а. Павильон-пристань в Михайловском саду (1825);
б. «Кофейный домик» в Летнем саду (1826).

Этому соединению *камня* и *металла* мог придаваться символический смысл. Так в фальконетовом монументе Петру I возвышение бронзовой статуи всадника над нарочито грубым гранитным постаментом символизировало победу человеческой воли и разума над дикой природой. Значение камня здесь уже меняется на противоположное.

Еще один тип значимых элементов ССК представляют собой *размеры* пространственных объектов. Например, широкие стеклянные окна и их большое количество были в XVIII в. еще редкостью, доступной не всем и потому делавшей их одним из социальных символов. Такой «метрический символизм» участвует в образовании смыслов многих архитектурных сооружений. Высота Александровской колонны значительно превосходит высоту всех предшество-

вавших ей триумфальных колонн в Риме или Париже. Высота Зимнего дворца значимо должна была превосходить высоту окружающих светских построек. Величина дворцов (Меншикова, Зимнего, Мраморного, Михайловского и др.) значимо отличала их от соседних построек своего времени. Точно так же и величина территории, подвластной той или иной персоне, становится социальным символом – как весь Васильевский остров, который был подарен «светлейшему князю» А. Меншикову и назывался, так же как и дворец, «Княжим» или «Меншиковым».

Символичным был и весь «столичный размах» градостроительных ансамблей, размеры городских площадей – начиная от «главной площади» зеркала Невы между ее гранитными берегами и распространяясь далее на Дворцовую, Сенатскую, Исаакиевскую и др. (рис. 9).

Рис. 9. Панорама стрелки Васильевского острова со зданием Биржи и рогатостральными колоннами; вдали видны шпиль Адмиралтейства и купол Исаакиевского собора.

Демаркационный код и структура границ в пространстве города

Демаркационный код (ДК) организует конфигурации границ между значимыми местами с помощью пространственных индексов, тормозящих движение в одних направлениях и открывающих

другие. Единицами ДК становятся видимые «пути», «преграды», «проемы», из которых строятся синтаксические конструкции: «преграда на пути» и «проем в преграде» [ср. Даниэль, 1979]. Их совокупность складывается в пространственные S-тексты ДК, средствами которого разграничен город.

Его границы можно рассматривать в разных масштабах. Так, глядя в широком масштабе на «эксцентрическое», по Ю.М. Лотману, положение Санкт-Петербурга, созданного вопреки природе, «на краю» культурного пространства, можно думать о противостоянии города природным стихиям в антитезе «естественное / искусственное» [см. Лотман, 1996, с. 277].

Рис. 10. План Санкт-Петербурга И. Хоманна, при участии Д. Трезини. 1720-е годы.

Другая оппозиция «Восток – Запад» актуализируется при взгляде в том же широком масштабе уже не на физическую, а на политическую карту. Произведенное Петром смещение российской столицы к границе с морем и с военным противником – Швецией –

несло одновременно и старые угрозы, и новые возможности. Построив в устье Невы крепость, Петр I подтвердил противостояние России Западу, шедшее здесь еще со времен Александра Невского. В то же время, сдвинув новую столицу к Балтийскому морю, он открыл «окно в Европу» для торговых и культурных связей с ней.

Если эти глобальные противопоставления видны только на географических картах, то границы более мелких членений уже прямо открыты пересекающим их путникам. Естественными границами для них оказывались водные препятствия. Нева и ее разветвления разбивают все пространство города на множество островов, число которых стало возрастать по мере добавления к естественным рекам еще и искусственно прорытых каналов. Их прокладка при Петре опережала развитие сухопутных связей, и по утвержденному им плану, например, весь Васильевский остров должна была изрезать сеть каналов. В новой столице, задуманной в качестве крупного морского порта, реки и каналы предполагалось сделать ее главными транспортными путями.

В этих преобразованиях водной структуры города можно видеть и семиотические аспекты, связанные с переосмыслением системы «преград», «проемов» и «путей» как элементов ДК. Если для сухопутного перемещения реки и каналы образуют комплекс преград, то и для мореплавателя Петра, и для простого лодочника они служат, наоборот, основными путями, движение по которым всячески поощрялось. В этом отношении характерна и двойственная функция петербургских разводных мостов: днем они соединяют острова и становятся преградами для крупного водного транспорта, а ночью, наоборот, открывают для него дорогу и превращаются в преграды для транспорта сухопутного.

На суше выстраивалась своя система границ. Здания в городе строились рядами строго по линии, «плечом к плечу», «как бы полки» на параде (М.В. Ломоносов). Помимо стабильных границ, организованных берегами набережных, стенами зданий, оградами решеток, пространство города структурировалось и временными границами – внутренними, как те же разводные мосты, и внешними – как городские заставы, производившие контроль за въездом в город и выездом из него. По образцам Древнего Рима некоторые из этих застав были архитектурно отмечены триумфальными воротами – как Нарвские или Московские (арх. Дж. Кваренги и В.П. Стасов).

Пространственные тексты ДК по-разному прочитываются в зависимости от прагматических установок интерпретаторов. Пешеход, спешащий по делам, может замечать только повороты на своем пути и стараться обходить преграды, если они возникают. Но для взгляда зрителя, обозревающего окрестности, складывается иная структура путей и границ, чем для его движущегося тела. В Петербурге такому взгляду, с одной стороны, могут открываться широкие просторы с некоторых мест в самом центре города, но с другой – в том же центре за роскошными фасадами от внешнего взгляда скрывается теснота дворов-колодцев, которая видна лишь их обитателям.

Семиотическая гетерогенность городской среды

Пространственные коды совместно участвуют в семиотизации городской среды, направляя ее осмысление в разных аспектах и на разных уровнях сознания. Одни из этих кодов больше связаны с повседневной практической жизнью (как демаркационный и предметно-функциональный). Другие в большей мере насыщают городское пространство всевозможными символами (как социально-символический) и направляют его художественное осмысление (как архитектурный).

Существующие в этой семиотически неоднородной среде S-тексты актуализируются разными интерпретаторами в разные моменты, параллельно или последовательно. Тем более в новых исторических контекстах прежние значения сооружений уходят на второй план, уступая место более актуальным. Так, некогда грозный царский дворец в Летнем саду становится декорацией для светских прогулок (см. рис. 11).

В гетерогенной городской среде пространственные коды взаимодействуют не только друг с другом, но и со всеми остальными семиосистемами. В этом отношении город похож на театр. Отмечая театральность петербургского пространства, Ю.М. Лотман связывал ее со стилистическим единством архитектуры, располагавшей воспринимать город как огромную декорацию, ориентированную на какого-то внешнего зрителя [Лотман, 1992, т. 2, с. 14]. Такое зрелище, как парад, здесь становилось «эстетизированной моделью идеала не только военной, но общегосударствен-

ной организации. Это был грандиозный спектакль, ежедневно утверждающий идею самодержавия» [Лотман, 1998, с. 631]. В подобный спектакль превращалось и возведение монумента, нередко обставленное как символическое действие, сопровождаемое тем же парадом (см. рис. 12). Многообразные демонстрации и народные гуляния в различные времена и по разным поводам, дополняемые специальным оформлением городского пространства, тоже связывают его и с театром, и с карнавалом.

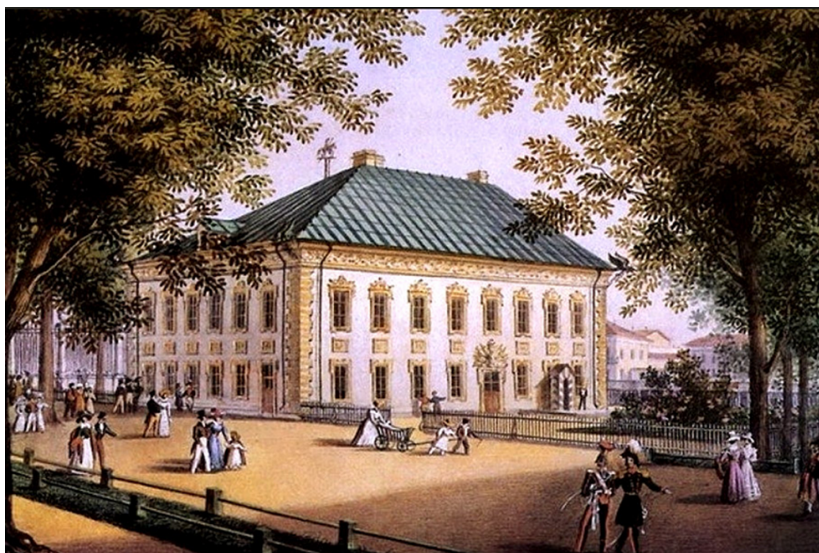

Рис. 11. К.П. Бегтров. Дворец Петра в Летнем саду.
Ок. 1830 г. Акварель. ГРМ.

Конечно же, и вербальный язык дает свои средства для осмысления этого пространства. Выше уже говорилось о его участии в интерпретации скульптурных и архитектурных произведений. На смыслы городского пространства влияют и названия его частей. Голландское название сначала крепости, а затем и всего города – *Sankt Pieter Burch* – в XX в. значительно изменялось на Петроград, Ленинград и снова Санкт-Петербург. Аналогичные изменения названий улиц производили и их ресемiotизацию (см. о зна-

чении топонимики в формировании образа города: [Анциферов, 1922, с. 44–45]).

Рис. 12. Л.П.-А. Бишебуа, А.Ж.-Б. Байо. Торжественное открытие Александровской колонны 30 августа 1834 г. ГЭ.

Богатейший фонд культурных смыслов, которые за относительно короткий исторический срок связались с пространством этого города, был сконцентрирован в «петербургском тексте русской литературы» [см.: Топоров, 2003, с. 7–118; Лотман, 1992, т. 2, с. 9–21]. Понятие «петербургский текст» иногда распространяют и на связанные с городом произведения других искусств – живописи и графики, музыки и балета, театра и кино [Volkov, 1995, р. XIII–XIV].

Созданные в произведениях разных видов искусства вербальные и невербальные версии «петербургского текста» так или иначе основываются на визуально-пространственных текстах петербургской архитектуры и на той особой атмосфере, которая возникает вокруг нее. Осмысляясь с помощью иных семиотических систем, эти пространственные тексты включаются в общую семиосферу культуры, описанную Ю.М. Лотманом. Ее гетерогенность

и интертекстуальность в полной мере присущи и такому выразительному образу семиосферы, как город Санкт-Петербург.

Список литературы

- Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. – Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1922. – 226 с.
- Бенуа А.Н.* О новом стиле // Александр Бенуа размышляет. – Москва : СХ, 1968. – С. 125–132.
- Даниэль А.М., Даниэль С.М.* Регулярное поле изображения как объект семиотического анализа // Теоретические проблемы дизайна. Методологические аспекты социологических и историко-культурных исследований. – Москва : ВНИИТЭ, 1979. – С. 75–80.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. – Москва : КомКнига / URSS, 2006. – 243 с.
- Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины Второй. – Санкт-Петербург : Издание А.С. Суворина, 1907. – VIII, 743 с.
- Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам) / *Иванов В.В., Лотман Ю.М., Пятигорский А.М., Топоров В.Н., Успенский Б.А.* – Тарту : Издательство Тартуского университета, 1998. – 504 с.
- Линч К.* Образ города. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.
- Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам IV. Уч. записки ТГУ. – Тарту, 1969. – Вып. 326. – С. 460–477.
- Лотман Ю.М.* О семиосфере. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма // Труды по знаковым системам XVII. Уч. записки ТГУ. – Тарту, 1984. – Вып. 641. – С. 5–23.
- Лотман Ю.М.* К проблеме пространственной семиотики. Семиотика пространства и пространство семиотики // Труды по знаковым системам XIX. Уч. записки ТГУ. – Тарту, 1986. – Вып. 720. – С. 3–6.
- Лотман Ю.М.* Текст и полиглотизм культуры // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 142–147.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 2. – С. 9–21.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
- Лотман Ю.М.* Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // *Лотман Ю.М.* Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство–СПб, 1998. – С. 617–636.
- Пиаже Ж., Иньельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификации и сериации. – Москва : ИЛ, 1963. – 448 с.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы : избранные труды. – Санкт-Петербург : Искусство–СПб, 2003. – 616 с.
- Тынянов Ю.Н.* Кюхля. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1987. – 336 с.

- Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
- Чертов Л.Ф. Семиотика. Очерки истории и теории. – Москва : URSS, 2017. – 240 с.
- Чертов Л.Ф. О семиотизации и ресемиотизации пространства города (на примере Санкт-Петербурга) // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – №1 (41). – С. 78–90.
- Чертов Л.Ф. Семиотизированные пространства в культуре // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2021. – №1 (45). – С. 9–32.
- Lipps T. Ästhetik: Psychologie das Schönen und der Kunst. – Hamburg ; Leipzig, 1903. – Bd. 1. – 601 S.
- Schenk F.B. Die Stadt als Monument ihres Erbauers : Ort der symbolischen Topographie / K. Schlögel, F. Schenk, M. Ackert (Hrsg.). // Sankt-Petersburg. Schauplätze einer Stadtgeschichte. – Frankfurt/Main : Campus, 2007. – S. 47–58.
- Volkov S. St. Petersburg : a Cultural History. – New York : Simon & Shuster, 1995. – XXIV, 598 p.

References

- Anciferov, N.P. (1922). *Dusha Peterburga*. Peterburg. : Brokgauz-Efron.
- Benua, A.N. (1968). O novom stile. In *Aleksandr Benua razmyshlyayet*, 125–132. Moscow : SH.
- Daniel', A.M. & Daniel', S.M. (1979). Regulyarnoe pole izobrazheniya kak ob'ekt semioticheskogo analiza. In *Teoreticheskie problemy dizajna. Metodologicheskie aspekty sociologicheskikh i istoriko-kul'turnyh issledovanij*, 75–80. Moscow : VNIITE.
- El'mslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka*. Moscow : KomKniga / URSS.
- Ekaterina II. (1907). *Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoroj*. Saint Petersburg : Izdanie A.S. Suvorina.
- Ivanov, V.V., Lotman, Yu.M., Pyatigorskij, A.M., Toporov, V.N. & Uspenskij, B.A. (1998). *Tezisy k semioticheskomu izucheniyu kul'tur (v primenenii k slavyanskim tekstam)*. Tartu : Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta.
- Linch, K. (1982). *Obraz goroda*. Moscow : Strojizdat.
- Lotman, Yu.M. (1969). O metazyazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury. In *Trudy po znakovym sistemam IV. Uch. zapiski TGU*, Vyp. 326, (pp. 460–477). Tartu.
- Lotman, Yu.M. (1984). O semiosfere. Struktura dialoga kak princip raboty semioticheskogo mekhanizma. In *Trudy po znakovym sistemam XVII. Uch. zapiski TGU*, Vyp. 641, (pp. 5–23). Tartu.
- Lotman, Yu.M. (1986). K probleme prostranstvennoj semiotiki. Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki. In *Trudy po znakovym sistemam XIX. Uch. zapiski TGU*, Vyp. 720, (pp. 3–6). Tartu.
- Lotman, Yu.M. (1992). Tekst i poliglotizm kul'tury. In Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*, 142–147. Tallinn : Aleksandra.
- Lotman, Yu.M. (1992). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. In Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 2*, 9–21. Tallinn : Aleksandra.

- Lotman, Yu.M. (1996). *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya*. Moscow : Yazyki russkoj kul'tury.
- Lotman, Yu.M. (1998). Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala XIX veka. In Lotman Yu.M. *Ob iskusstve*, 617–636. Saint Petersburg : Iskusstvo–SPB.
- Piazhe, Zh. & Inel'der, B. (1963). *Genezis elementarnyh logicheskikh struktur. Klassifikacii i seriacii*. Moscow : IL.
- Toporov, V.N. (2003). *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy*. Saint Petersburg : Iskusstvo–SPB.
- Tynyanov, Yu.N. (1987). *Kyuhlya*. Novosibirsk : Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Chertov, L.F. (2014). *Znakovaya prizma. Stat'i po obshchej i prostranstvennoj semiotike*. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Chertov, L.F. (2017). *Semiotika. Ocherki istorii i teorii*. Moscow : URSS.
- Chertov, L.F. (2020). O semiotizacii i resemiotizacii prostranstva goroda (Na primere Sankt-Peterburga). In *Chelovek : obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, (1 (41)), (pp. 78–90).
- Chertov, L.F. (2021). Semiotizirovannye prostranstva v kul'ture. In *Chelovek : obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, (1 (45)), (pp. 9–32).
- Lipps, T. (1903). *Ästhetik: Psychologie das Schönen und der Kunst. Bd. 1*. Hamburg ; Leipzig.
- Sshenk, F.B. (2007). Die Stadt als Monument ihres Erbauers: Ort der symbolischen Topographie. In: K. Schlögel, F. Schenk, M. Ackert (Hg.). *Sankt-Petersburg. Schauplätze einer Stadtgeschichte*, 47–58. Frankfurt/Main : Campus.
- Volkov, S. (1995). *St. Petersburg: a Cultural History*. New York : Simon & Shuster.